

Священномученик Василий (Надеждин)

12.01.1895–**19.02.1930**

**Архимандрит
Дамаскин
(Орловский),**
ответственный
секретарь
Церковно-
общественного
совета
при Патриархе
Московском
и всея Руси
по увековечению
памяти ново-
мучеников
и исповедников
Церкви Русской,
руководитель
фонда «Память
мучеников
и исповедников
Русской
Православной
Церкви», клирик
храма Покрова
Божией Матери
на Лыщиковой
горе (Москва),
www.fond.ru

24 декабря 1929 года, незадолго до болезни, предчувствуя, что она не минует его, отец Василий отправил из лагеря супруге последнее письмо, в котором было выражено его упование на общее воскресение и которое явилось своеобразным прощанием с близкими: «Сегодня <...> мне пришла мысль грустная, но, кажется мне, правильная, что я должен написать прощальное письмо на случай моей смерти <...> Ибо если я заболею тифом, то писать уже не смогу, никого из близких не увижу и не услышу, не смогу ничего передать им, кроме этого письма, если оно будет написано заранее и <...> если Господь устроит так, что оно дойдет до моих близких. <...> Это письмо должно заменить меня, прощание со мною, участие в моих похоронах, которые произойдут здесь без участия моих близких, без их молитвы и слез. <...>

Первое слово к тебе, моя дорогая, любимая, единственная. <...> Прежде всего, благословляю тебя за твою любовь, за твою дружбу, за твою преданность мне. <...> Да будет воля Божия! Мыждемся радостного свидания в светлом Царстве любви и радости, где уже никто не сможет разлучить нас, — и ты расскажешь мне о том, как прожила ты жизнь без меня, как ты сумела по-христиански воспитать наших детей, как ты сумела внушить им ужас и отвращение к мрачному безбожному мировоззрению и запечатлеть в их сердцах светлый образ Христа».

* * *

Священномученик Василий родился 12 января 1895 года в Москве в семье чиновника Дворцового управления Федора Алексеевича Надеждина и его супруги Софии Павловны. В 1910 году Василий окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1916 году — Московскую духовную семинарию и в том же году поступил в Московскую духовную академию.

Пришедшее к власти большевистское правительство было принципиальным против-

ником Церкви и духовного образования. Вера в Бога и атеизм, по мнению большевиков, не могли сосуществовать в границах одного государства, образование, по их мнению, могло быть только безбожным, и в начале 1919 года Духовная академия была закрыта.

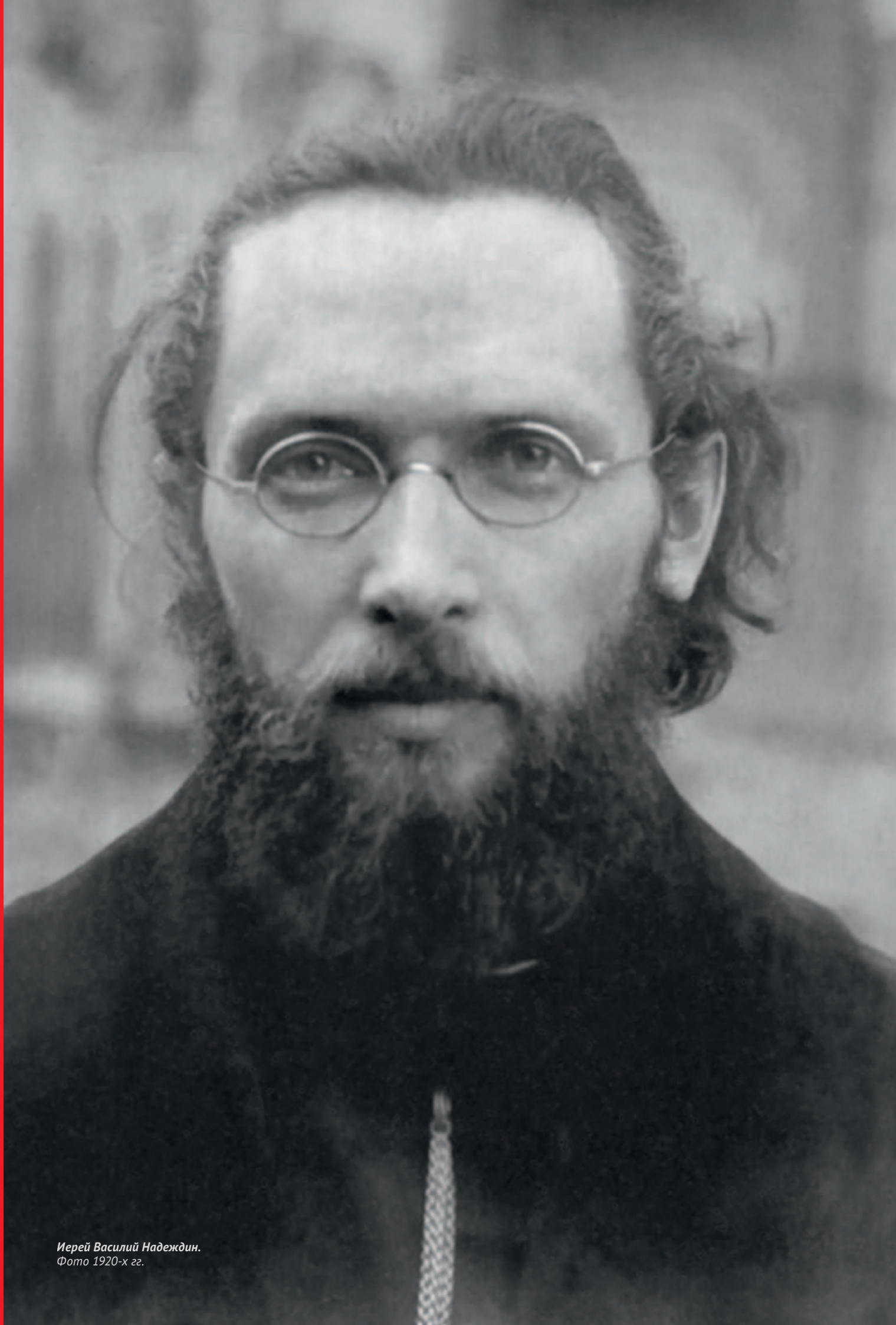
В 1919 году Василий Федорович обвенчался с Еленой Сергеевной Борисоглебской и уехал в село Никольский Поим Чембарского уезда Пензенской губернии, где служил знакомый ему священник, и поступил работать учителем в школу. В марте 1921 года он решил с семьей переехать поближе к Москве и устроился счетоводом в управлении узкоколейки в Орехово-Зуеве.

24 июня 1921 года Василий Федорович был рукоположен во диакона, а 26 июня — во священника к Никольскому храму у Соломенной Сторожки в Москве, построенному как храм 675-й пешей Тульской дружины в начале XX столетия.

Дочь священника Владимира Амбарцумова, расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 году, писала об этом храме и об отце Василии: «Возле церкви некогда существовала сторожевая будка с соломенной крышей, известная в народе как “соломенная сторожка”. Ко времени строительства храма ее уже не было, но народная память сохранила за этим местом старое наименование. <...>

В храм ходили разные люди, но <...> состав приходской общины прежде всего определялся близостью Петровско-Разумовской академии. <...>

Когда после революции было запрещено преподавание в школах Закона Божия и в Петровско-Разумовской академии закрыли храм, группа ее профессоров и преподавателей обратилась к настоятелю храма святителя Николая священнику Василию Надеждину “с просьбой заняться религиозно-нравственным воспитанием их детей”. <...> Отец Василий живо откликнулся на просьбу профессоров академии. Он создал <...> молодежный хор, поющий на правом клиросе храма <...> учил девушек и юношей не только церковному пению, но и церковной службе, разбирал основные вопросы вероучения, ➤

*Иерей Василий Надеждин.
Фото 1920-х гг.*

ходил с ними и на концерты классической музыки, читал и обсуждал литературные произведения. Для маленьких детей в доме отца Василия обязательно проводились запрещенные тогда рождественские елки. <...>

Отец Василий был прекрасным проповедником. Его любимое время для проповедей было в субботу на утрени после шестопсалмия. <...> Он не отшлифовывал своих проповедей, но говорил живо и убежденно, часто выступая против безверия».

Московская духовная академия хотя и была официально закрыта, но неофициально продолжала существовать, профессора читали небольшим группам студентов лекции, принимали экзамены, и в октябре 1927 года отец Василий получил аттестат об окончании духовной академии со степенью кандидата богословия, в котором поставили свои подписи еще не арестованные тогда профессора академии, включая ее проректора протоиерея Владимира Страхова.

В 1928 году отец Василий заболел туберкулезом и был вынужден уехать на лечение в Башкирию. Во время его отсутствия в Никольском храме служил по его просьбе священник Владимир Амбарцумов.

Вернувшись в Москву, отец Василий в связи со всё усиливающимися гонениями стал уже реже говорить проповеди, а милиция запретила ему жить в доме, где в то время жила его семья, и даже приезжать туда в гости. Отец Василий снял угол — чулан в квартире, сюда к нему приезжала супруга, стараясь, чтобы эти визиты остались незамеченными для представителей власти. Но недолго продолжалось время, которое можно было назвать счастливым, — служения в храме и тайных встреч с семьей.

28 октября 1928 года отец Василий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Его обвинили в том, что он «организовал кружок христианской молодежи, работой которого руководил, воспитывая молодежь в тенденциозно-антисоветском направлении».

1 ноября следователь допросил священника. Назвав, что именно интересует следствие, он задал ряд вопросов, отвечая на которые, отец Василий сказал: «О близкой ко мне молодежи могу сказать следующее: пришла ко мне она сама. Все лица, впоследствии бывавшие у меня, были связаны между собой еще школой, где они вместе учились. Вероятно, поэтому они также всей группой и перешли ко мне. У меня в церкви эта молодежь пела в хоре. <...>

Сама молодежь была неактивна в изучении хотя бы церковной истории, поэтому я сам читал им иногда на темы по истории Церкви выдержки из церковных писателей Болотова и Лебедева, читал им некоторые подлинники сочинений церковных писателей (Василия Великого, Григория Богослова и других).

Делал доклад о впечатлениях от моей поездки в Саровскую пустынь, о тех сказаниях, которые связаны с Дивеевым монастырем и Серафимом Саровским. <...>

Были у меня беседы, посвященные юбилеям Первого Вселенского Собора, Григория Богослова и Василия Великого. Собственно, проповедь в церкви была по этим вопросам, а дома моло-

дежи я читал только некоторые документы той эпохи.

Специальных вопросов по поводу существующего социального порядка и по поводу отдельных моментов взаимоотношения Церкви и государства, равно и чисто политических вопросов, мы никогда не обсуждали. Последние, то есть политические вопросы, иногда только и то вскользь, в бытовательском разрезе, трактовались у нас; говорили, например, что жестока политика власти по отношению к детям лишенцев и к лишенцам вообще. <...> В вопросах об арестах церковников я придерживаюсь той точки зрения, что трудно провести грань между церковным и антисоветским и что поэтому со стороны власти возможны перегибы. <...>

Молодежь у меня принимает участие в церковных делах с 1921 года. Всего у меня не больше десяти человек. <...>

Когда у нас затрагивался вопрос об исповедничестве, то есть о возможности примирения верующих с окружающими условиями, то здесь я проводил такую точку зрения: есть пределы (для каждого различные), в которых каждый христианин может примиряться с окружающей его нехристианской действительностью; при нарушении этих пределов он должен уже примириться с возможностью неприятных для него лично изменений условий его жизни, иначе он не есть христианин. Христианином надо быть не только по имени».

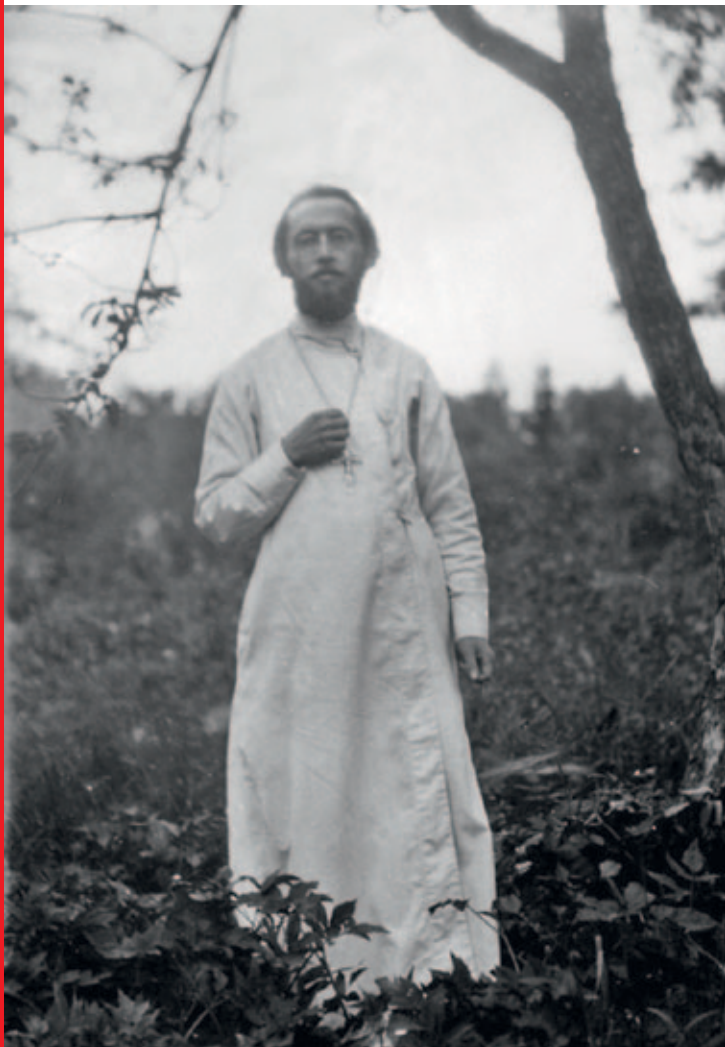
20 ноября 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Василия к трем годам заключения в концлагере, и он был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Но когда священник прибыл в пересыльный лагерьный пункт в город Кемь, морская навигация уже закончилась, и он был оставлен в Кемь. Это был тот период времени, когда на всем Соловецком архипелаге, превращенном в сеть концлагерей, свирепствовала эпидемия сыпного тифа, сводившая тысячи людей в могилу. Вскоре отец Василий заболел тифом и был помещен в лагерьную больницу. В больнице во время медицинских процедур ему занесли инфекцию, и стала быстро развиваться гангрена. Узнав о болезни мужа, Елена Сергеевна приехала в Кемь и, поселившись неподалеку от лагеря, стала каждый день носить ему передачи.

«Хожу утром и вечером вдоль деревянного забора с проволокой наверху и дохожу до лазарета <...>, — вспоминала она. — Вижу верхнюю часть замерзшего окна и посылаю привет и молюсь. В три часа делаю передачу <...>, получаю записку, написанную слабым почерком. Вот и все! Ночь проходит в тоске и мучительных снах. Каждый раз, как отворяется дверь нашей квартиры, я смотрю, не пришли ли сказать роковую весть. Его остригли, изменился он сильно и исхудал, говорят, перевязки мучительны и изнуряют его».

Незадолго перед кончиной отец Василий сподобился принятия Святых Христовых Таин. Последние его слова были: «Господи, спаси благочестивых и услыши ны». Священник Василий Надеждин скончался в лагерьной больнице 19 февраля 1930 года. Начальник лагеря разрешил супруге священника провести ночь рядом с телом почившего мужа и похоронить его на кладбище в Кемь. **Ф.**

Священник
Василий
(Надеждин)
и его жена
Елена ►

Могила
священно-
мученика
на кладбище
в Кемь, 1930 ►

«Моя дорогая, любимая, единственная. <...> Прежде всего, благословляю тебя за твою любовь, за твою дружбу, за твою преданность мне. <...> Да будет воля Божия! Мы дождемся радостного свидания в светлом Царстве любви и радости, где уже никто не сможет разлучить нас, — и ты расскажешь мне о том, как прожила ты жизнь без меня, как ты сумела по-христиански воспитать наших детей, как ты сумела внушить им ужас и отвращение к мрачному безбожному мировоззрению и запечатлеть в их сердцах светлый образ Христа».

Из последнего письма отца Василия жене Елене. Он написал его из пересыльной тюрьмы в Кеми 24 декабря 1929 года. Через несколько дней он заболевает тифом и умрет в тюремном лазарете. Елена, узнав о болезни мужа, приедет к нему, будет носить передачи. Начальник лагеря разрешит ей провести ночь рядом с телом умершего мужа и похоронить его на кладбище в Кеми.

